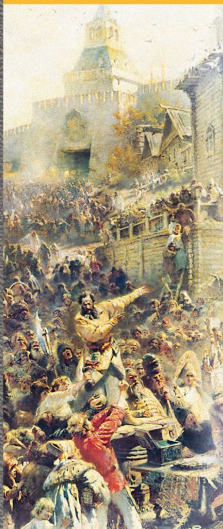

ПОЛКОВОДЦЫ ПЕРВЫХ РОМАНОВЫХ

Дмитрий
Володихин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Дмитрий Михайлович Володихин
Полководцы
первых Романовых
Серия «Жизнь замечательных
людей», книга 1985

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70187626

*Полководцы первых Романовых / Дмитрий Володихин: Молодая
гвардия; Москва; 2023*

ISBN 978-5-235-04796-9

Аннотация

Великая смута XVII века огненной метлой прошла по Русской цивилизации, отовсюду выметая сор и опалая его. Россия пережила чудовищные потрясения и тяжелое разорение, Россия умылась кровью. Но страшные годы Смуты возвысили множество крупных государственных деятелей, блистательных военачальников. Эта книга – о русских полководцах, выкованных в пламенном горниле Смуты и ставших солдатами царства, которые защитили от падения новую царскую династию, Романовых.

Содержание

Солдат царства	7
Князь Дмитрий Михайлович Пожарский	7
Дети царства	8
Юность воителя	11
Чаша огня – Великая смута	21
Чаша крови – борьба с Великой смутой	43
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Дмитрий Володихин

**Полководцы
первых Романовых**

Жизнь замечательных людей

Серия биографий

Основана в 1890 году Ф. Павленковым и продолжена в
1933 году М. Горьким

Выпуск

2185_____

(1985)

© Володихин Д. М., 2023

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное
оформление, 2023

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

На переплете – скульптурные изображения царя Михаила Федоровича, князя Дмитрия Пожарского и Кузьмы Минина на памятнике «Тысячелетие России» в Великом Новгороде, фрагменты картин «Воззвание Минина» К. Маковского (вертикаль) и «Осада Троице-Сергиевой Лавры» В. Верещагина (горизонталь).

Солдат царства

Князь Дмитрий Михайлович Пожарский

Государства похожи на людей. У каждого из них есть свое рождение, детство, юность, старость и смерть. Как и люди, они иногда хворают, а в другое время чувствуют себя превосходно, пышут здоровьем. Как люди они порой оказываются в очень тяжелом положении – нищают, теряют силы, оказываются унижены и побиты, но вот проходит темная полоса и наступает время расцвета, величия, могущества.

Народ, видевший в своей державе мощь, свет и справедливость, не откажется от нее, когда она лежит, растоптанная и окровавленная, в придорожной пыли, жизнь едва теплится в ней, а злой враг торжествует, ожидая скорой ее смерти. Найдутся люди, готовые честно и храбро выйти на бой за спасение своей страны.

России повезло. Она несколько раз проходила через тяжелую, страшную смуту, она едва не погибала, но всякий раз поднимались ее спасители, чтобы дать ей шанс восстановиться в славе и силе.

Дети царства

Две фигуры на Красной площади – Козьма Минин и князь Дмитрий Михайлович Пожарский – напоминают о том, что 400 лет назад Москва оказалась под властью поляков. Тогда наш народ объединился, собрался в ополчение и очистил свою столицу от чужеземцев, а вождями ему в ту пору послужили две личности, чей облик сохранен для потомков в бронзе.

Оба они были сыновьями великого царства. Оба видели, как реют его победные стяги на полях сражений, как возвращаются домой полки победителей¹. Оба слышали, как разносится жаркий звон от многих сотен храмов. Оба знали, как кипят торги в больших городах, когда привозят туда богатый красный товар. Оба любили свою страну, а потому встали на ее защиту, когда пробил час биться за нее насмерть.

Но избрание двух этих людей на роль спасителей отечества до сих пор окружено ореолом тайны. Мало кто из историков и публицистов отважится сказать: не Минин и не Пожарский должны были прийти с армией под Москву. Не Минину следовало стать главным администратором огромной области, не Пожарскому надлежало стать ее военным во-

---

¹ Козьма Минин, по всей видимости, состоял в войсках самообороны Нижнего Новгорода периода Смуты и понюхал пороха задолго до рождения Второго земского ополчения.

ждем.

Мир допетровской Руси предоставлял каждому своему обитателю общественную «ячейку», где тому следовало жить и умереть. Правильным и достойным делом считалось наилучшим образом выполнять обязанности, которые диктовал обычай, господствующий в данной «ячейке», скверным и глупым – выходить за пределы, установленные раз и навсегда.

Так вот, в соответствии с политическим укладом той эпохи водить армии и управлять областями считалось обязанностью высшей аристократии. Еще, может быть, верхушки чиновничества – дьяков. Более никому не позволялось заниматься чем-либо подобным. Минин же не относился ни к первым, ни ко вторым. Он вышел из провинциальных «торговых людей». Пожарский, хоть и мог назвать среди своих предков великих князей владимирских, никак не дотягивал до уровня высшей знати. Он и до чинов-то великих не дослужился.

Проще говоря, Россия тех лет располагала множеством людей, чье положение можно перевести на язык современных понятий как «генералы», «маршалы», «министры», «финансовые тузы». На рассвете XVII века русские не пользовались такими словами, но суть та же. И при наличии всех этих высокопоставленных персон Москву освободили, условно говоря, полковник и хозяин мясной лавки.

Почему?

Причина тут самая неприятная: Смута разрушила русское общество до самого основания. Оно перестало представлять собой систему, потеряло единство и порядок. Более того, целые общественные слои утратили ум и волю, необходимые для выполнения их традиционной работы. Те, кому следовало выходить с полками и бить врага, переходили на неприятельскую сторону. Те, кому надлежало оберегать закон, первыми нарушали его. Те, кто обязан был защищать Церковь и веру, отворачивались и от первого, и от второго...

Самобытный русский государственный строй рухнул. Порча коснулась всех и вся. Притом в худшее состояние пришла именно высшая знать. Ее своеволие и корыстолюбие чуть не погубили страну.

В таких условиях и появились на исторической сцене «полковник» рука об руку с «хозяином мясной лавки». Дело преодоления Смуты потребовало от них покинуть естественные, от рождения полученные «ячейки» и занять совершенно другие, вернее сказать, чужие.

На исходе 1610 года Россия столь глубоко погрузилась в пучину бедствий, что все способы спасения, исходившие от старого порядка, оказались исчерпанными. Земское освободительное движение, родившееся на руинах царства, было чем-то доселе невиданным.

Вот и вождями его оказались люди, сумевшие в чрезвычайных обстоятельствах скинуть весь свой прежний общественный опыт, как змея скидывает старую кожу, когда под

ней появляется новая. Они действовали не так, как учила их вся предыдущая жизнь. Они взялись за дело, к которому в условиях неразрушенного государственного строя их не подпустили бы ни при каких обстоятельствах.

Но именно это и оказалось спасительным.

Величие Минина и Пожарского в том и заключается, что они приняли терновый венец земского освободительного дела, когда от него отказались все, кто обязан был его нести.

Юность воителя

Дмитрий Михайлович Пожарский родился осенью 1577-го или 1578 года. Крестили его именем Козьма – в честь древнего проповедника и лекаря-бессребреника¹. День поминовения святых врачей-врачевателей и чудотворцев Космы (Козьмы) и Дамиана приходится на 1 ноября². Около этого времени Дмитрий Михайлович и появился на свет.

Имя Козьма в ту пору – весьма редкое и даже несколько неудобное для дворянина, или вернее, для «служилого человека по отечеству», как тогда говорили. Детям государевых служильцев чаще давали иные имена: Федор, Василий, Иван, Андрей, Петр, Дмитрий, Григорий, Юрий. Семен, Михаил... За экзотического Козьму мальчика задразнили бы до умопомрачения. Зваться Козьмой для человека его круга неудобно, почти неприлично. Поэтому всю жизнь он носил не кре-

---

² Здесь и далее даты приводятся по юлианскому календарю (старому стилю).

стильное имя, а прозвище Дмитрий.

Святой Димитрий Солунский пользовался большим почитанием на Руси и считался вполне «дворянским» святым. К тому же память его отмечается 26 октября. Как бы не в этот день родился мальчик, крещенный Козьмою неделю спустя... А потому имя второго небесного покровителя – Димитрия – родители с легкой душой взяли из Святцев и дали своему отпрыску в качестве обиходного имени.

В семействе Дмитрия Михайловича было распространено родовое прозвище Немой. Князь носил его, унаследовав от деда, Федора Ивановича. Это прозвище князь Дмитрий передаст и своим сыновьям Петру и Ивану². Как видно, в его отрасли разветвленного «куста» Пожарских ценили молчунов...

О детстве и молодости князя известно немного. Он принадлежал роду, не относившемуся к числу особенно влиятельных и богатых, но и не павшему на самое дно «захудания».

Пожарские были Рюриковичами, происходили из древнего семейства стародубских князей. Более того, они являлись старшей ветвью Стародубского княжеского дома; правда, сам Дмитрий Михайлович происходил от одного из младших колен. Пожарские – потомки знаменитого Всеволода Большое Гнездо – могучего властителя конца XII – начала XIII века. Родоначальник их семейства, князь Василий Ан-

дреевич Пожарский, владел обширной местностью Пожар³. Его отец, богатый князь Андрей Федорович Стародубский, участвовал в битве на поле Куликовом.

К тому же семейство Пожарских долгое время было весьма и весьма состоятельным. Им принадлежало около семидесяти сел и деревень – настоящее маленькое княжество!

Но при столь значительных предках и при таких богатствах в эпоху господства Москвы Пожарские оказались на задворках. Не храбростью, не честностью уступали они другим аристократическим семействам, нет. Прежде всего умением «делать карьеру».

В 1560—1580-х годах род Пожарских пришел в упадок, потерял старинные вотчины³. Младшие ветви Стародубского княжеского дома – Палецкие, Ромодановские, Татевы, Хилковы – обошли Пожарских по службе.

Такое «захудание» приключилось от разделов имущества, перехода земель монастырям и в какой-то степени – от опал, наложенных при Иване IV.

Во второй половине царствования Ивана IV семейство Пожарских занимало слабые позиции в служебной иерар-

---

³ Ныне село Пожар на карте России не отыскать: оно исчезло. Однако его местоположение четко локализовано специалистами: в XV веке оно располагалось к юго-западу от Стародуба, близ села Осипова. Или, по другому мнению, речь идет не столько о конкретном населенном пункте Пожар (Погар), сколько о целой волости с таким названием, находившейся приблизительно в указанном месте (*Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV веках. М.: Наука, 1981. С. 260–261*).

хии России. Пожарские выглядят не столько как аристократы, сколько как знатные дворяне без особых перспектив при дворе и в армии. Высший слой провинциального дворянства – вот их уровень.

В те времена показателем высокого положения любого аристократического рода было пребывание его представителей на лучших придворных должностях, в Боярской думе, назначения их воеводами в полки и крепости, а также наместниками в города. Для того чтобы попасть в Думу, требовалось получить от государя чин думного дворянина, окольного⁴ или боярина. На протяжении XVI столетия десятки аристократических родов добивались думных чинов, сотни – воеводских.

При Иване Грозном – как в опричные времена, так и позднее – у Пожарских *ничего этого не было*. Если бы не высокое «отечество», то есть древняя кровь Рюриковичей и хорошее родословие, Пожарские могли бы «утонуть» в огромной массе провинциального выборного дворянства – людей, едва заметных при дворе.

Если переводить служебные достижения родни Дмитрия Михайловича в современные термины, то получится, что семейство его давало России военачальников уровня комбата. Многие из них в разное время погибли за отечество. Не вышли они ни в бояре, ни в окольные, ни даже в думные дво-

---

⁴ Окольный – чин в Боярской думе, второй по значимости после чина боярина.

ряне, несмотря на знатность. И когда кого-то из них судьба поднимала на чуть более высокую ступень – например, на наместническую, – то он гордился такой службой, хотя она могла проходить где-нибудь на дальней окраине державы, в Вятских землях.

Слабость Пожарских в чинах московской службы ни для кого не являлась секретом. Однажды князь Ю. Д. Хворостинин, не пытаясь оскорбить Пожарских, а просто обсуждая местнические тонкости, сказал вещь жестокою, но правдивую: «А князь Дмитриев [Пожарского] прадед и... отец нигде не бывали в... ваших государских и царских чинах и в розрядах, кроме городничества и городских приказщиков»⁴. Убийственная по тем временам характеристика! Даже в 1619 году, после всех подвигов Дмитрия Михайловича Пожарского, ему напомнили, что дед его был всего-навсего «губным старостой» – почти позорная должность для знатного человека⁵.

Таким образом, в детские годы князя Дмитрия Пожарского его семейство находилось в униженном состоянии, не имело места в составе военно-политической элиты и даже не могло надеяться на возвышение за счет служебных достижений. Стоит добавить еще один факт, особенно неприятный для Дмитрия Михайловича лично. Его отец, князь Михаил Федорович, не дослужился даже до чина воинского головы. Его единственным заметным достижением стал удачный брак. Женой князя в 1571 году стала Мария (Евфроси-

ния) Федоровна Беклемишева, происходившая из старинного и влиятельного московского боярского рода. Но помочь по родственным связям своему мужу она не смогла.

Положение рода ничуть не исправилось при сыне Ивана IV – царе Федоре Ивановиче. Как и все дворяне того времени, Дмитрий Михайлович с молодости и до самой смерти обязан был служить великому государю московскому. Начал службу он с небольших чинов как раз при Федоре Ивановиче (1584–1598 годы). 23 августа 1587 года Михаил Федорович Пожарский ушел из жизни, оставив после себя двух сыновей – Дмитрия и младшего Василия, а также дочь Дарью. Отцовское поместье (по тем временам незначительное – всего 405 четвертей) по указу царя Федора Ивановича было передано Дмитрию и Василию Пожарским с требованием, чтобы они вышли на государеву службу, достигнув пятнадцати лет.

Примерно в 1593 году Дмитрий Михайлович начал служебную деятельность. Его пожаловали не очень высоким чином «стряпчего⁵ с платьем». Летом 1598 года в списке «стряпчих с платьем» молодой князь Дмитрий Пожарский занимает последнее место. Очевидно, стряпчим он стал незадолго до того.

Равным с ним положением обладали несколько десятков аристократов и московских дворян – таких же стряпчих при дворе. Эти люди прислуживали царю за столом, бывали в рындах – оруженосцах и телохранителях монарха – да из-

---

⁵ Стряпчий – один из «дворовых» (придворных) чинов средней значимости.

редка исполняли второстепенные административные поручения. В виде исключения кого-то из них могли назначить на крайне незначительную воеводскую службу.

Чуть более видное положение родня Дмитрия Михайловича заняла при Борисе Федоровиче Годунове (1598–1605 годы). Пожарские набрались смелости и даже начали вступать в местнические тяжбы – с князьями Гвоздевыми и Лыковыми. Удалось вернуть кое-что из родовых вотчин⁶.

Правда, в начале царствования Пожарским пришлось претерпеть опалу, но уже в 1602 году Дмитрий Михайлович возвращается на придворное поприще.

Как тогда говорили, молодой Пожарский и его мать Мария были у царя «в приближении». Мария Пожарская заняла видное место в свите царевны Ксении – дочери царя Бориса. Энергичная мать способствовала продвижению сына. Потом Пожарского постигла опала, отдаление от престола и переход на рядовые армейские службы. Все эти перипетии в судьбе незначительного и невлиятельного рода остались малозаметными событиями для современников. Государев двор того времени включал в себя огромное количество титулованной аристократии, куда выше знатностью и влиятельнее Пожарских.

В Смутное время князь Дмитрий Михайлович вступил с возвращенным при Борисе Годунове чином стряпчего. На заре разгорающейся Смуты, в конце 1604-го или же начале 1605 года, ему был пожаловано незначительно более высо-

кое звание – стольника⁶. Но и чин стольника заметно уступал по значимости думным чином – боярина, окольного, думного дворянина.

Если грубо и приблизительно перевести на язык воинских званий Российской империи, стольник представлял собой нечто соотносимое с полковничьим чином сухопутных войск (VI класс «Табели о рангах»). Карьера по тем временам хорошая, лучше, чем у большинства предков Дмитрия Пожарского, но без особенного блеска.

И никто из Пожарских не шагнул к тому времени по службе хоть на ступеньку выше Дмитрия Михайловича...

О будущем соратнике Дмитрия Михайловича, Козьме (Кузьме) Минине, известно... в сто раз меньше, чем о князе Пожарском. Его роль не менее величественна, она не уступает по значимости подвигам Дмитрия Михайловича. Но биография Минина тоненькой, прерывистой ниточкой едва-едва прослеживается по летописям и документам его времени. Личность Минина выступает из густых облаков неведения лишь в главнейшие, звездные моменты его судьбы. За пределами этих взлетов остается жизнь, быть может, наполненная до отказа подвигами и приключениями, яркая, красивая, но... совершенно не известная историкам.

Нет данных о том, где и когда он родился.

Ясно, что к временам Смуты он уже был зрелым чело-

---

⁶ Стольник – высокий чин «дворовой» (придворной) службы, но в Боярскую думу доступа не имеющий.

веком, добился авторитета в Нижнем Новгороде, а значит, вряд ли уступает в возрасте Пожарскому. Скорее всего, он появился на свет в 1570-х годах.

Крестили его во имя того же святого Космы, как и князя Пожарского, а в жизни Минин пользовался русским вариантом этого древнего имени – Козьма или Кузьма. Иногда к его имени добавляют прозвище «Сухорук», но его Минин никогда не носил. Оно представляет собой плод досадной ошибки историков XIX столетия.

Ученые долго спорили о том, откуда родом Козьма Минин, где «гнездо» его семейства. Предлагалось две версии. По первой из них, род Минина связан с богатым волжским городом Балахна, славившимся солеварением. По другой – с Нижним Новгородом.

Ныне большинство историков отрицают балахнинскую версию и считают Минина коренным нижегородцем. Однако она еще не опровергнута окончательно.

Весьма возможно, с кем-то из Балахны Минина связывало брачное свойство или же деловые отношения. В Балахне конца XVI–XVII века действительно жило богатое и многолюдное семейство Мининых. Родичи они народного героя или же однофамильцы – неизвестно.

Документы и летописи, повествующие о временах Смуты, называют Козьму Минина «посадским человеком». Он выступает в качестве состоятельного торговца мясом – «говядаря». Владеет лавкой.

Источники вскользь сообщают о том, что Минин «бывал служилым человеком». В ту пору «служилыми людьми государевыми» называли тех, кто занимался военным делом. Например, дворян, стрельцов, пушкарей или казаков, принятых на царскую службу. Но какое все это имеет отношение к мясоторговцу? Купечество тогда не служило в войсках, и тем более никого из купцов не допустили бы на должность воеводы...

На этот вопрос ответить трудно. Некоторые ученые считают, что Минин мог казаковать какое-то время и набраться в казачестве опыта военной службы. Другие полагают, что в эпоху Смуты, когда Нижний для самообороны или же для помощи Москве набирал боевые отряды, Минин записался добровольцем. А там – как знать! – вышел в младшие командиры. Во всяком случае, воинский опыт у «посадского человека» точно имелся, и тот без стеснения пускал его в ход, когда обстановка требовала инициативы и отваги.

Еще до начала Смуты Минин обзавелся женой Татьяной и сыном, носившим имя Нефёд.

О его характере известно немного. Минина считали «смышленным и язычным человеком». Иными словами, за ним признавали большой ум и ораторский дар.

Образ его действий выказывает огромную, нестигаемую волю. Минин не отступал, сталкиваясь с тяжелой или рискованной задачей. Он всегда и неизменно отыскивал способы решить ее. Если при этом требовалось побороть сопротив-

ление других людей, нижегородец добивался своего в споре, а то и с бою.

Наконец, два главных свойства Минина как личности. Во-первых, он отличался крепкой верой. Во-вторых, был способен на самопожертвование, бескорыстный поступок.

Вот и все, что можно сказать об одной из главнейших фигур великой русской Смуты до того момента, пока муки Отечества не призвали этого человека к высокому служению.

Чаша огня – Великая смута

Начало XVII века открывает эпоху самозванчества на Руси. Суть этого явления проста: некий энергичный хитрец объявляет себя «царем», «царевичем», «наследником престола» и ждет поддержки от тех, кто недоволен законным правителем. Если таких людей оказывается достаточно, он становится крупной политической фигурой и может даже взойти на престол. Но чаще всего авантюра заканчивается для него гибелью. От лукавых действий авантюриста страна может понести страшные потери.

Русское общественное сознание не было ничем защищено от самозванчества. На протяжении XVII–XVIII веков наиболее масштабные, наиболее кровавые бунты проходят под знаменами самозванцев. Ведь если самозванец на самом деле является тем, чьим именем называет себя, то на его стороне истина, и грешно не поддержать его. Но если он лжет,

грешно не выступить против него, служа верой и правдой истинному государю. Самозванцев известны десятки, и бывали ситуации, когда доказать их ложность оказывалось крайне трудно. Или попросту невозможно.

Кем был Лжедмитрий I, самый известный самозванец, историки не знают до сих пор. По самой правдоподобной версии – беглый монах кремлевского Чудова монастыря Григорий Отрепьев, по другим – знатный человек. Кем бы он ни был на самом деле, именно он разжег пламя Великой смуты.

Почему это произошло? Корни фантастического успеха, достигнутого Лжедмитрием, уходят далеко в прошлое.

В 1598 году на российский престол взошел умный, деятельный правитель – Борис Федорович Годунов. Возможно, он стал бы хорошим государем... если бы законность его правления не стояла под вопросом. Прежняя династия – Рюриковичи Московского княжеского дома – пресеклась со смертью царя Федора Ивановича. Он не оставил наследников. А при всем уме Бориса Федоровича способ, которым он воспользовался для восшествия на трон, был для Руси крайне необычным.

Права Годунова на подобное возвышение считались, по понятиям того времени, просто призрачными. Он являлся братом царицы Ирины, жены Федора Ивановича. После кончины Федора Ивановича Борис Годунов созвал Земский собор, который избрал его царем, хотя имелось множество более знатных претендентов на трон.

Новый царь покровительствовал полезным иноземцам, особенно англичанам, отправлял русских дворян в Европу для учебы, много строил.

Но правление его имело шаткую основу.

Еще в 1591 году в Угличе погиб младший брат царя Федора Ивановича – царевич Дмитрий. До сих пор историки спорят, ушел ли он из жизни по причине несчастного случая или принял смерть от наемных убийц. Подозрение в том, что его смерти способствовал властолюбивый Борис Годунов, бросало на нового правителя страшную тень.

Аристократия видела силу и ум царя, но презирала его за происхождение. Годуновы – хотя и старинная боярская семья, а все же стоявшая относительно невысоко по знатности. Родословием Годуновы уступали слишком многим. А в России был заведен порядок, согласно которому аристократия делила власть над страной с монархом. Ее мнение значило очень много.

На протяжении всего царствования Борис Федорович старается ладить со знатью, не восстанавливать ее против себя и своей родни, но с некоторыми родами жестоко враждовал.

В целом обстоятельства его правления неудачны. Несколько лет неурожая приводят к страшному голоду. Дороги страны наполняются нищими. Люди гибнут в массовом порядке. Относительно недалеко от Москвы разбойничает бунтовская армия Хлопка Косолапа, и разбить ее удастся с большим трудом.

Наконец, в 1604 году в пределы Московского государства входит с отрядом наемников некий авантюрист, именующий себя царевичем Дмитрием, братом Федора Ивановича и, следовательно, законным наследником престола. Все враги Годуновых моментально обретают надежду на их крушение.

Лжедмитрий упорно боролся с армией Бориса Годунова, законного царя. В разгар этой борьбы Борис Федорович умер, оставив после себя наследника – Федора. Его мало кто поддержал.

Появление «чудом спасшегося» царевича, идущего забирать «родительский престол», смутило многих. Ведь Борис Годунов был не «природным» государем, а избранным. Его сын Федор, если бы ему довелось править, считался бы куда более «твердым» и «правильным» государем, так как был бы вторым в династии и, следовательно, государем по крови. Но престол ему достался всего на несколько недель.

Недовольство знатных родов, угнетенных при Борисе Годунове, недовольство голодных и разоренных крестьян да еще активная помощь со стороны поляков и литовцев позволяли самозванцу восстанавливать свои силы даже после тяжелых поражений. Теперь же ему противостоял не матерый политик Борис Годунов, а всеми брошенный юноша. С такой мощью молодой неопытный сын Бориса Годунова справиться, конечно, не мог.

Москва открыла ворота Лжедмитрию I, российские воеводы перешли на его сторону, прежние недоброжелатели

присягнули ему на верность. Федор, наследник престола, был убит. Так завершился первый акт Великой смуты.

В страшную годину воцарения самозванца Пожарский еще малозаметен. Он еще пребывает на задворках большой политики.

Предполагают, что при Борисе Годунове он участвовал в походе против первого самозванца. Допускают даже, что Дмитрий Михайлович бился в большом сражении при Добрыничах с армией Лжедмитрия I. Однако отправка его в поход сомнительна: Пожарский всего-навсего незадолго до кампании против самозванца получил жалованье и купил хорошего коня. Возможно, на этом коне он ездил сражаться с неприятелем, а возможно... не ездил. Свидетельства источников смутны. Сохранились списки должностных лиц воинства, отправленного против Лжедмитрия I. Имени Пожарского там нет. Значит, даже если князь ходил на самозванцеву рать, никаких командных должностей не занимал. Не был ни воинским головою, ни тем более воеводой.

Неотвратимо приближавшийся к Москве призрачный «царевич» не испытывал к молодому царедворцу злых чувств. Для игры, которую он вел, Пожарские вряд ли могли считаться серьезными фигурами... В лучшем случае – пешки. А какой с пешек спрос? Когда Борис Федорович умер, а Лжедмитрий I воцарился на Москве, ни сам Дмитрий Михайлович, ни род его не пострадали.

Для биографии князя Дмитрия Пожарского важнее другое: он начинал карьеру при незыблемом порядке. А теперь на его глазах этот порядок начал распадаться. Политический строй Московского государства обладал колоссальной прочностью и сопротивляемостью к внешним воздействиям. Но Смута начиналась изнутри. Самозванец, ставший русским царем, хотя и получал поддержку поляков, а все же ничего не сумел бы совершить в России, если бы не внутренняя трещина, легшая поперек государственного устройства.

Лжедмитрий I вошел в Москву.

После воцарения этого сомнительного монарха Дмитрий Михайлович остается при дворе. Он исполняет обязанности стольника.

Современный историк, изучающий биографию князя Пожарского, за весь период с конца 1604 года по лето 1606-го располагает всего-навсего двумя краткими известиями. Весной 1606 года Пожарский вершил свою придворную службу у Лжедмитрия I на пирах. Дмитрий Михайлович присутствовал на свадебных торжествах самозванца, когда Расстрига венчался с Мариной Мнишек, а также при встрече ее отца, Юрия Мнишка.

Всё.

Негусто...

Какие тут сделаешь выводы?

Неизвестно, был ли князь Пожарский столь уж верен Лжедмитрию I. Позднее Дмитрия Михайловича жаловал новый

государь – Василий Шуйский. А он пришел к власти в мае 1606-го путем вооруженного переворота, когда самозванец был убит. Как знать, не стал ли Пожарский одним из участников майского восстания, похоронившего Расстригу?

Но это домыслы, гипотезы.

А вот правда: если и не оказался князь среди восставших, на добром имени его все равно пятен нет.

Прежде всего, бóльшая часть русского общества приняла Расстригу как царевича Дмитрия, действительного сына царского. Это для наших современников он Лжедмитрий. А тогда подавляющее большинство русских восприняло историю с его чудесным «воскрешением» и восшествием на престол как восстановление правды самим Господом. Эйфорическое отношение к «государю Дмитрию Ивановичу» продержалось довольно долго. Отрезвление наступило не скоро и не у всех.

Но терпеть поляков в Москве и служить царице-польке, да еще и католичке, не стали. Лжедмитрий пал, воцарился Шуйский. Для князя Пожарского правление этого государя – время успехов и побед. Щедрое время.

В годы царствования Василия Ивановича – 1606—1610-й – Дмитрий Михайлович наконец-то выбился на воеводский пост. По понятиям послепетровской России – вышел по должности в «генералы», оставаясь по чину «полковником». Но прежде его испытали ответственным боевым поручением.

Осенью 1606 года к Москве подступили с юга войска Ива-

на Болотникова, именовавшего себя «воеводой царевича Дмитрия». С ним шли отряды Истома Пашкова – вождя тульского дворянства, Прокофия Ляпунова с рязанцами, а также других повстанческих военачальников. Судьба столицы и самого царя висела на волоске. В той грозной ситуации князю Пожарскому доверили пост воинского головы.

Об этом назначении документы сообщают следующее: «за Москвою рекою противу воров» царь велел встать армии во главе с князьями Михаилом Васильевичем Скопиным-Шуйским, Андреем Васильевичем Голицыным и Борисом Петровичем Татевым. В ту пору «с ворами бои были ежедневные под Даниловским и за Яузою»... Очевидно, оборонительная операция носила маневренный характер. То и дело требовалось бросать отряды лояльных войск навстречу неприятелю, рвущемуся в Москву с разных направлений. Следовательно, очень многое зависело от младших командиров – от тех, кого ставили во главе подобных отрядов. Их личная отвага, преданность государю и умение действовать самостоятельно могли решить исход боя. Среди таких младших командиров – воинских голов – появляется имя Дмитрия Михайловича Пожарского⁷.

Тогда Москва впервые стала для него театром военных действий...

Болотникова счастливо одолели. Царские воеводы проявили твердость, к тому же Истома Пашков с Прокофием Ляпуновым перешли на сторону правительства. В итоге пол-

ки Болотникова потерпели двойное поражение – у Коломенского, а потом под деревней Заборье. На следующий год его бунтовской армии пришел конец.

Неизвестно, участвовал ли Дмитрий Пожарский в борьбе с болотниковцами после их разгрома в столичных пригородах. Но, как минимум, первая его боевая работа под Москвой оставила хорошее впечатление и запомнилась. Именно она, думается, подсказала государю идею дать самостоятельное воеводское назначение Дмитрию Михайловичу, когда над Москвой разразилась новая гроза.

Лжедмитрий II, еще горший самозванец, разбив армию Василия Шуйского, летом 1608 года подошел к Москве и осадил ее. По своему лагерю, располагавшемуся в Тушине, он получил прозвище Тушинский вор. Справиться с ним оказалось намного сложнее, чем с Болотниковым. Царь Василий Иванович так и не решил этой задачи. Но он хотя бы постарался организовать должный отпор новому самозванцу.

Где был тогда князь Дмитрий Михайлович? Нет точных сведений на этот счет, известно одно: он сохранял верность государю. Скорее всего, ему опять пришлось драться на полях близ московских окраин, скрещивая саблю с клинками тушинцев.

Царю Василию Ивановичу с каждой неделей становилось все труднее находить преданных военачальников и администраторов. Наказывая кого-то за явные оплошности, прямое

неповиновение или же за отступления от закона, царь мог завтра недосчитаться еще одной персоны в лагере своих сторонников. Не наказывая и даже даруя самое милостивое жалованье, государь все равно имел шанс нарваться на очередной «перелет»: в Тушине обещали многое, а служба законному монарху стала рискованным делом... Того и гляди войдет «царик» в Кремль, ссадит Шуйского, а верным его служильцам посшибает головы!

В ту пору к русской знати привился «изменный обычай». Многими нарушение присяги теперь воспринималось как невеликий грех. О легкой простуде беспокоились больше, нежели о крестном целовании. То развращение, о котором говорилось выше, с особенной силой развивалось в верхних слоях русского общества.

Летописец с горечью пишет: государю пришлось заново приводить своих подданных к присяге, но очень скоро о ней забывали: «Царь... Василий, видя на себя гнев Божий и на все православное христианство, нача осаду крепити [в Москве] и говорити ратным людем, хто хочет сидеть в Московском государстве, и те целовали крест; а кои не похотят в осаде сидеть, ехати из Москвы не бегом (то есть не украдкой, а открыто. — *Д. В.*). Все же начаша крест целовати, что хотяху все помереть за дом Причистые Богородицы в Московском государстве, и поцеловали крест. На завтрее же и на третий день и в иные дни многие, не помня крестного целования и обещания своего к Богу, отъезжали к Вору в Тушино: бояр-

ские дети, стольники, и стряпчие, и дворяня московские, и жильцы⁷, и дьяки, и подьячие...»⁸

Борьба с самозванцем шла переменчиво. Города по несколько раз переходили из рук в руки, подвергались грабежу и поджогам. Победители устраивали побежденным резню... чтобы пасть жертвами новой резни, когда их воинский успех сменялся неудачей. Половина страны пострадала к тому времени от Смуты. Блокада Москвы отрядами Лжедмитрия II отрезала великий город от источников питания. Обозы с продуктами уже не доходили до стен Белокаменной: их перехватывали по дороге. Над столицей нависла угроза голода.

Особую важность приобрело Коломенское направление. Чуть ли не единственная артерия, по которой к Москве доставляли продовольствие, шла через коломенские места. К ужасу царя, воеводы Иван Пушкин и Семен Глебов прислали известие: «От Владимира идут под Коломну многие литовские люди и русские воры». А драться за город и за дорогу, через него пролегающую, уже некому. Ратники есть, но доверенные лица в недостатке...

Вот тогда-то переламывается судьба князя Пожарского. Он-то хранил верность государю и при Болотникове, и при Тушинском воре. Ему о присяге напоминать не требовалось, а биться с неприятелем князь был готов. И государь сделал на него ставку.

По свидетельству летописи: «Царь... Василий послал во-

---

⁷ Жилец – низкий чин «дворовой», то есть придворной службы.

евод своих под Коломну, князя Дмитрия Михайловича Пожарского с ратными людьми. Они же пришли под Коломну и стали проводывать про тех литовских людей. Вестовщики, приехав, сказали, что литовские люди стоят за тридцать верст от Коломны в селе Высоцком. Князь Дмитрий Михайлович с ратными людьми пошел с Коломны навстречу литовским людям, и пришел на них в ту Высоцкую волость на утренней заре, и их побил наголову, и языков многих захватил, и многую у них казну и запасы отнял. Остальные же литовские люди побежали во Владимир»⁹.

Итак, под Коломной Дмитрий Михайлович осуществляет в ночное время стремительное нападение на лагерь вражеского войска. Противник разбегается, в панике бросив армейскую казну. Князь показывает себя опытным и решительным военачальником. Его действия спасают столицу от крайне неприятной участи. В Белокаменную потек хлеб...

Таким образом, Пожарский оправдал повышение по службе честным воинским трудом.

Одоление врага под Коломной произошло в начале 1609 года – в январе или первой половине февраля (скорее в феврале).

Скоро Дмитрий Михайлович получил новое поручение – в большей степени почетное, нежели боевое. Как видно, Василий Шуйский хотел показать свое благоволение Пожарскому. Весной 1609 года Россия подверглась страшному бедствию – массовому вторжению крымских татар. Сму-

та ослабила способность страны оборонять южные рубежи. Крымцы почувствовали это: они и в первые годы правления Шуйского устраивали опустошительные набеги. Безнаказанность опьяняет, и вот отдельные набеги сменились чудовищным нашествием. Крымские полчища разорили серпуховские, боровские, коломенские места, дошли до Тарусы, стояли в двух шагах от русской столицы.

Требовалось договориться с татарами. Царь едва справлялся с тушинцами. От крымцев ему оставалось лишь откупиться. Особенно опасная ситуация сложилась в июле: войска крымских «царевичей» вышли на Оку и занимались грабежами в непосредственной близости от Москвы. Тогда, как свидетельствует официальный документ, «...от государя к царевичем за Оку з дары и с речью воевода князь Григорей Костянтинович Волконской, а велено ему царевичю объявить, что будут к ним от государя бояре и воеводы: князь Иван Михайлович Воротынской, да князь Борис Михайлович Лыков, да околничий Артемий Васильевич Измайлов... А провожать послан воеводу князь Григорья Волконского с Москвы для воров с ратными людьми стольник и воевода князь Дмитрий Михайлович Пожарской»¹⁰.

Смысл этой краткой записи в государственной документации того времени расшифровывается просто: дары – откуп, а охрана Волконского, едущего с дарами, – великая честь и неограниченное доверие. В сущности, полагаясь на преданность Пожарского, государь ставил на кон очень многое. Ес-

ли бы Дмитрий Михайлович сплеховал, потерял драгоценный груз или же решил присвоить его, то страшная крымская проблема не была бы решена и юг России кровил бы еще очень долго... Царь, по всей видимости, крепко верил: этот – не предаст!

Именно тогда, в разгар Смуты, самым очевидным образом проявляется воинское дарование Пожарского. Начав с коломенского успеха, Пожарский активно ведет боевые действия, защищая столицу от польско-литовских шаек и русских бунтовщиков. Вернувшись из ответственной «командировки» на Оку, Дмитрий Михайлович вскоре получил новое воеводское назначение.

Среди тушинцев появился дерзкий и энергичный полевой командир, некий «хатунский мужик» Сальков. Он собрал большое войско и перерезал Коломенскую дорогу, столь драгоценную для московского правительства. Лояльные государю Василию Ивановичу войска сталкивались с Сальковым неоднократно. Князь Василий Мосальский двинулся было под Коломну – собрать провизию для столицы, но в конце октября неподалеку от Бронниц подвергся нападению сальковских отрядов, поддержанных ратниками польского офицера Млоцкого. Мосальский потерпел поражение и потерял обоз, столь необходимый царю Василию Ивановичу. Шуйский в ответ приказал строить острожки по Коломенской дороге. Но, видимо, гарнизоны этих небольших укреплений не могли защитить обозы, шедшие в столицу: Сальков продол-

жал «чинить утеснение». Разорив коломенские места и не чувствуя должного отпора, Сальков двинулся ближе к столице. Он появился у Николо-Угрешского монастыря. Там его атаковал воевода Василий Сукин «со многими ратными людьми», однако разбить не смог. С большими потерями Сукин вытеснил Салькова с занимаемых позиций. Непобежденный Сальков стал для Москвы серьезной проблемой.

Тогда вспомнили о воеводских дарованиях Дмитрия Михайловича. Пожарский должен был сойтись в жестоком сражении с отрядом этого тушинца. Ему, как можно видеть по предыдущим «подвигам» Салькова, достался серьезный противник.

Летописное повествование в подробностях извещает об упорной борьбе Дмитрия Михайловича с Сальковым и о полной победе князя: «Тот же вор Салков пришел на Владимирскую дорогу и на иных дорогах многий вред творил. Царь же Василий послал на него воевод своих по многим дорогам, и сошелся с ним на Владимирской дороге, на речке Пехорке, воевода князь Дмитрий Михайлович Пожарский с ратными людьми. И был бой на много времени, и, по милости Божией, тех воров побили наголову. Тот же Салков убежал с небольшим отрядом, и на четвертый день тот же Салков с оставшимися людьми пришел к царю Василию с повинной, а всего с ним после того боя осталось тридцать человек, с которыми он убежал»¹¹.

Бой на Пехорке произошел в промежутке от ноября 1609-

го до первых чисел января 1610 года.

За заслуги перед престолом князь Пожарский награжден был новыми землями. В жалованной грамоте, среди прочего, говорилось: «Против врагов... польских и литовских людей и русских воров... стоял крепко и мужественно и многую службу и дородство показал, голод и во всем оскуденье и всякую осадную нужу терпел многое время, а на воровскую прелесть и смуту ни на которую не покусился, стоял в твердости разума своего крепко и непоколебимо, безо всякия шатости...»

В феврале или марте 1610 года царь Василий Иванович ставит князя воеводой на Зарайск.

Место – важное. Зарайск выдвинут на сотню с лишним верст к югу от Москвы, далеко за Оку. Он играет роль правительственного форпоста близ мятежной Рязанщины. Он закрывает направление, где исстари пошаливали крымцы. К западу от города концентрируются силы Лжедмитрия II, отступившего к тому времени из-под Москвы в Калугу. К тому же город располагает каменным кремлем, а это даже в начале XVII века – редкость для России. В большинстве городов имеются лишь древоземляные укрепления, а небольшой Зарайский кремль отличался мощными стенами.

Василий Шуйский создал в лице зарайского воеводы живую занозу для любых бунтовских сил на юге России. Без сомнений, зарайское воеводство – и почетное, и хлопотное. А это идеально подходит к характеру князя Пожарского.

В апреле 1610-го скончался блистательный полководец князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский. Именно ему правительство государя Василия Ивановича было обязано серьезным улучшением своих позиций. Он крепко потрянул поляков и тушинцев. Располагая целой армией, он добился побед более масштабных, нежели Пожарский. Правда, польский король Сигизмунд III открыто вмешался в московские дела и вошел на территорию России с корпусом вторжения, поскольку поддержку Скопину оказали шведы – первейший враг Польши. Но для Сигизмунда это была формальная причина. На самом деле враждебные действия короля объясняются проще: его обнадеживала московская партия сторонников польской власти. В очерке, посвященном Михаилу Борисовичу Шеину, об этом будет рассказано подробнее.

На Скопина-Шуйского возлагались большие надежды. Как военачальник он мог бы организовать успешный отпор и Тушинскому вору, и королевской армии. Но его настигла скоропостижная кончина. Царю Василию Ивановичу князь приходился родней. Однако вину за его смерть многие возложили на семейство государя. Мол, завидовали. Мол, боялись, что молодой полководец заявит претензии на трон... С кончиной Михаила Васильевича положение государя немедленно пошатнулось.

Отчаянным неприятелем Василия Шуйского сделался тогда неистовый вождь рязанского дворянства – Прокофий Ляпунов. Он рассылал по городам грамоты, вербуя сторонни-

ков против царя и требуя отпущения. Ляпунов связывался с тушинцами, стоящими в Калуге. Зарайску, лежащему меж рязанскими и калужскими местами, он придавал особое значение. Его племянник Федор отправился туда с бумагой, содержащей предложение о союзе.

Пожарский, выслушав посланца, «...не пристал к совету его и того Федора отпустил... А с той грамотой быстро послал к царю Василию, чтобы к нему на помощь из Москвы прислал людей. Царь же Василий тотчас послал к нему на помощь».

Из Москвы к воеводе явился с большим отрядом Семен Глебов – старый соратник Пожарского еще по боям под Коломной – да стрелецкий голова Михаил Рчинов со стрельцами.

«Прокофий, – сообщает летопись, – услышав о том, что пришли на помощь люди в Зарайский город, с Вором (Лжедмитрием II. – *Д. В.*) перестал ссылатся. Дума же была у него большая против царя Василия с боярином с князем Василием Васильевичем Голицыным, и от Москвы отложился и начал царя Василия не слушать. В то же время стоял под Шацким князь Василий Федорович Мосальский, а с воровской стороны был князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасский, и князя Василия под Шацким побили. Царь же Василий, про то услышав, послал к нему на помощь голову Ивана Можарова. И Прокофий сведал то, что идут к Шацкому, повелел Ивана перехватить и их не пропустил, повелел им быть у се-

бя». Таким образом, князь Дмитрий Михайлович проявил лояльность к государю, в результате чего ляпуновцы не получили поддержку из Калуги. Но последовавшее за этим поражение у Шацка резко ухудшило положение правительственных войск на юге России. Пожарский оказывался без серьезной поддержки со стороны полевой армии.

Его положение стало просто отчаянным, когда от Василия Шуйского отложилась Коломна. Военачальник Михаил Бобынин, стоявший в городе с сотней ратников, решил переметнуться на сторону Лжедмитрия II. Он увлек за собой горожан. Коломенские воеводы князя Михаил Туренин и Федор Долгорукий не сумели противостоять стихии бунта. Владыка Коломенский Иосиф также поддался изменным настроениям.

«Коломничичи все поцеловали крест и к Вору послали с повинной, – рассказывает далее летопись. – И послали с грамотами на Каширу и к Николе Зарайскому (на Зарайск. – Д. В.). Посланные же их пришли на Каширу. Каширяне же, услышав про Коломну, начали Вору крест целовать. Боярин князь Григорий Петрович Ромодановский не хотел креста целовать и стоял за правду. Они же его чуть не убили, и привели его к кресту, и к Вору послали с повинной. И пришли в Зарайский город из Коломны посланцы, чтобы также целовали крест Вору».

Но тут нашла коса на камень. Дмитрий Михайлович оказался крепче волею, чем воеводы коломенские и князь Ро-

модановский. Жители Зарайска собрались вместе и толпой двинулись к воеводе, чтобы принудить его к изъявлению покорности Тушинскому вору. Как видно, часть ратников, присланных из Москвы, также решила перейти на вражескую сторону. У Пожарского остался лишь небольшой отряд. Князь заперся с ним в крепости. Стрельцы наводили свои пищали на бешеную толпу горожан. Пушкари стояли с зажженными фитилями близ орудий. Дворяне, обнажив сабли, встали у ворот – на случай, если озверевший люд полезет на них с тараном. И, как видно, посадский сброд, возбужденный изменными словами, сделал попытку приступа. Но воевода зарайский изготовился к штурму, его не пугали грозные выкрики и народное буйство. Порохового зелья, свинца, пушечного дроби и ядер у Дмитрия Михайловича хватало, чтобы достойно встретить целую армию. Были бы люди его крепки в своей верности царю...

За спиной у него стояла великая святыня – древняя высокочтимая икона святителя Николая Мирликийского, к которой приезжали молиться московские государи. Образ хранился в каменном Никольском соборе Зарайского кремля. Соборный протопоп отец Димитрий Леонтьев встал на сторону воеводы. Надо полагать, выполняя свой долг, воевода надеялся не только на собственные силы, но и на небесное заступничество.

Горожане «...приходили, хотя его убить. Он же отнюдь ни на что не прельстился. Никольский же протопоп Дмит-

рий укреплял его и благословлял умереть за истинную православную веру. Они же еще больше укрепились. Видя же он свое бессилие, заперся в каменном городе с теми, которые стояли в правде... Те же воры, видя свое бессилие, прислали в город и винулись, и [предлагали] целовать крест на том: “Кто будет на Московском государстве царь, тому и служить”. Он же, помня крестное целование царю Василию, целовал крест на том: “Будет на Московском государстве постарому царь Василий, ему и служить; а будет кто иной, и тому так же служить”. И на том укрепились крестным целованием, и начали быть в Зарайском городе без колебания, и утвердились между собой, и на воровских людей начали ходить и побивать [их], и город Коломну опять обратили»¹².

А вот это был уже очень серьезный успех. Пожарский не только удержал Зарайск, не только укрепил позиции государства, но и способствовал возвращению жизненно важной Коломны. А значит, и хлебных потоков. Кроме того, он своим выбором и твердостью, проявленной в этом выборе, показал, что слово «царь» еще чего-то стоит, хотя бы и в пламени Смуты.

К несчастью, стратегическая ценность «крепкого стоятельства» Пожарского оказалась сильно сниженной чудовищным поражением на другом направлении.

Борьба за Коломну и Зарайск шла в мае и, может быть, июне 1610 года. Тем временем польский король Сигизмунд III осаждал Смоленск. Воевода смоленский Михаил

Борисович Шеин стойко держал оборону от поляков. Твердостью воли и верностью государю он был подобен самому Пожарскому. На помощь Шеину из Москвы отправилась русско-шведская рать под общим командованием князя Дмитрия Ивановича Шуйского с приданными ей отрядами западноевропейских наемников. Против нее пошел талантливый польский полководец гетман Станислав Жолкевский. Армия союзников страдала от худого управления, между русским командованием и офицерами иноземцев установились нелады. Последние возмущались из-за невыплаты жалованья. Несогласованность в действиях иноземных отрядов и русских полков лишала их возможности вести совместную борьбу с грозным неприятелем. Итог – настоящая военная катастрофа, постигшая Дмитрия Ивановича Шуйского 24 июня под Клушином. После клушинского поражения Жолкевскому сдалась русская армия, оборонявшая Царево Займище. Затем пали Можайск, Борисов, Верея и Руза.

В июле 1610 года совершилось восстание против монарха. Государя ссадили с престола, затем попытались принудить его к пострижению в иноки. Вскоре законного русского царя Василия Ивановича передали в руки его врагов, поляков. Затем боярское правительство (Семибоярщина) призывало на русский престол польского королевича Владислава. Он должен был явиться в Москве и принять православие, но не сделал ни того ни другого. Вместо этого его отец король Сигизмунд III утвердил в русской столице пропольскую ад-

министрацию, а Семибоярщина впустила в Кремль большой польско-литовский отряд.

Чаша крови – борьба с Великой смутой

Все то время, пока Москва бушевала, предавая собственного царя, выбирая нового, приглашая в Кремль иноземных воинов, князь Пожарский оставался на зарайском воеводстве. Неизвестно, приводил ли он зарайских жителей к присяге королевичу Владиславу. Кое-кто из историков уверен в этом, но никаких документов, содержащих прямые свидетельства, до наших дней не дошло.

Между тем общее положение дел в России после свержения Василия Шуйского приближалось к катастрофе.

«О горе и люто есть Московскому государству! – в ужасе восклицает летописец. – Как не побояшесь Бога, не попомня своего крестного целования и не постыдясь ото всея вселенныя сраму, не помроша за дом Божий Пречистыя Богородицы и за крестное целование государю своему! Самохотением своим отдаша Московское государство в латыни и государя своего в плен! О горе нам! Как нам явиться на праведном Суде Избавителю своему Христу? Как нам ответ дати за такие грехи?»¹³

Другой русский книжник в свойственной XVII веку деликатной манере высказался об умственных способностях Семибоярщины: «Семь же бояр державы Московской все прав-

ление земель Русской передали в руки литовских воевод, ибо не осталось премудрых старцев и силы оставили дивных советников... Все же это Бог навел на нас за множайшие грехи наши»¹⁴. Силы оставили дивных советников... О! Умели же когда-то с необыкновенным почтением назвать правительственную политику идиотизма. Другой книжник менее корректен: «И были мы обесславлены и лишены надежды всякой, и большой чести мы удостоились у иноверного царя – получили мы в славном городе Москве еретиков, врагов Божьего креста, многочисленные полки поляков и других иноплеменников и воинов, готовых сражаться ради своей славы. Наши же бояре из страха, а иные ради корысти, вошли в соглашение с ними и повелели выйти из города воинам наших полков, и такой услугой врагам обезопасили себя и дом свой»¹⁵.

Русский корабль ударился днищем о подводные камни, трюм его наполнился холодной водой, появились громадные отверстия в бортах. Парус его сорвало ветром. Ребра шпангоутов трещат, застрявши меж зубьями скал, скрытых черной штормовой стихией. Команда режет друг друга за шлюпки. Самые дерзкие матросы вступили в схватку за звание капитана, поскольку прежний капитан исчез.

Нет надежды...

Нет спасения...

Нет любви между людьми...

Но вера еще сохранилась.

Известно, что в конце 1610 года Дмитрий Михайлович являлся убежденным и деятельным врагом московской администрации, поставленной поляками. В последние месяцы 1610-го (не ранее октября) или, может быть, в самом начале 1611 года его официально сняли с воеводства. Скорее всего, смещение произошло в ноябре – декабре 1610 года.

В марте 1611 года Пожарский уже в Москве.

Между этими двумя датами в его биографии изменилось очень многое.

Прежде всего, Дмитрий Михайлович вошел в соглашение с дворянами Рязанщины, где и родилось земское освободительное движение. Первым его вождем стал Прокофий Петрович Ляпунов. Именно он сделался союзником Пожарского в его борьбе с пропольскими силами.

«На рязанские места» отправилась армия, состоявшая из запорожских казаков-«черкасов» и небольшого числа русских ратников, лояльных пропольской администрации. Во главе горстки русских бойцов, склонившихся перед польской властью, встал знатный рязанский дворянин Исаак Никитич Сумбулов (Сунбулов) – прежний соратник Ляпунова, присягнувший Владиславу.

Сумбулов ворвался на родную Рязанщину, прошел ее с огнем и мечом...

Имея под командой лишь незначительные силы, Ляпунов двинулся на защиту Пронска и отбил город у неприятеля.

«Черкасы же пошли к городу Пронску, и осадили Прокофия Ляпунова в Пронске, и утеснение ему делали великое. Услышав же о том, воевода у Николы Зарайского князь Дмитрий Михайлович Пожарский собрался с коломничами и с рязанцами и пошел под Пронск. Черкасы же, о том услышав, от Пронска отошли и встали на Михайлове. Прокофия же из Пронска вывели и пошли в Переяславль-Рязанский⁸. Князь Дмитрий Михайлович, приняв от архиепископа Феодорита благословение, пошел опять к Николе Зарайскому...» – рассказывает летопись.

Поляки отправили своих офицеров к Переяславлю-Рязанскому и под Коломну. Итог их похода Жолкевский подводит со смущением: «Сего было недостаточно и не принесло никакой пользы, ибо москвитянам, знавшим проходы в своей земле, наши не могли воспрепятствовать стекаться и готовиться тем к уничтожению наших». Скорее всего, поляки просто не сумели сладить с формирующимся ополчением: они недооценили опасность и бросили на земцев слишком незначительные силы. Позднее Ляпунов уже не дал им возможности исправить роковую ошибку.

Польские военачальники сами позднее признавались в легкомысленном отношении к повстанцам: «Пан Гонсевский [командир московского гарнизона поляков] сообщил обо всем королю, советуя выслать из Смоленска людей, чтобы разбить Ляпунова, пока он не очень силен: ведь поначалу

---

⁸ Ныне Рязань.

у Ляпунова не было при себе и двухсот человек. Но под Смоленском этим советом пренебрегли, а нам выходить из столицы к Переяславлю показалось неразумным, потому что москвитяне ворота нам больше не откроют; а отправим часть [людей] – от наших сил ничего не останется».

Ясно видно: тогда князь Пожарский уже имел враждебное отношение к пропольской администрации в Москве. Он заранее приготовился к открытому вооруженному сопротивлению. Когда настал час, Дмитрий Михайлович нимало не колебался. Стремительным ударом он вышиб запорожцев из-под Пронска и освободил Ляпунова.

Когда Пожарский вернулся из рязанских мест, «черкасы» в отместку совершили быстрый рейд из Михайлова и по ночной поре захватили «острог у Николы Зарайского» – древо-земляное укрепление, защищавшее посад. Воевода ответил моментально. Взяв с собой верных людей, Дмитрий Михайлович ударил на запорожцев, занятых грабежом. Казаки, не ждавшие сопротивления, падали один за другим. Те, кого не положили на месте, бежали из острога. Беглецы известили своих товарищей о решительном полководце, готовом беспощадно уничтожать неприятельские отряды. Казачьё, увидев перед собой вместо легкой добычи железный кулак, посыпалось на Украину. Сумбулов же, лишившись самой боеспособной части воинства, «побежал в Москву».

Нашествие запорожцев относится к ноябрю – декабрю 1610 года. Очевидно, именно тогда зарайский воевода имел

стычки с «черкасами» и сумбуловцами. В конце декабря 1610-го – первых числах января 1611-го запорожцы штурмуют и подвергают разграблению Алексин. Если бы не скорые и решительные действия Дмитрия Михайловича, Пронск с Зарайском ожидала та же участь.

Фактически отряд князя Пожарского действует как часть земского ополчения. Позиция Дмитрия Михайловича ясно видна. Он враг поляков и враг их друзей в Москве. Его бы, может, и сместили раньше, да руки коротки.

Он еще не идет к столице только по одной причине: рязанцы собираются с силами, бойцов пока не столь много, чтобы выходить в большой общий поход. Да и всех сил рязанского воинства маловато для столь великого дела. Нужны союзники! Зарайский воевода – отличный, верный, отважный союзник. Однако помощь его незначительного гарнизона – далеко не тот ресурс, который обеспечит успешное очищение столицы. Дмитрию Михайловичу остается только одно: ждать. Счет идет на месяцы, на недели...

Помощники нашлись там, где их следовало искать в последнюю очередь.

Земское освободительное движение, находясь еще в пеленках, много выиграло от гибели Лжедмитрия II. Русские города и земли, страдая от наглых и алчных иноземных «гостей», колебались: кого поддержать? Но как только ушел из жизни Тушинский вор, поле выбора резко сузилось. Конечно, еще оставалась в Калуге Марина Мнишек и ее новорож-

денный сын Иван. Однако в 1610 году мало кто решался всерьез «поставить» на эти фигуры.

До самой своей смерти Лжедмитрий II контролировал очень значительную область. Его войска, пусть и не столь многочисленные, как во времена тушинского лагеря, оставались большой силой. Теперь судьба страны зависела от того, кто сумеет привлечь эту силу на свою сторону.

Главнейшие люди тушинцев сомневались недолго. На сторону Ляпунова встал вожак казаков Иван Заруцкий и лидер дворян, стоявших за Лжедмитрия, князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой.

Зимой 1610/11 года идет быстрое формирование Первого земского ополчения.

На протяжении февраля и марта разрозненные силы повстанцев стягиваются к русской столице. Вожди ополчения, и прежде прочих Ляпунов, заводят тайные связи с сочувствующими их делу людьми в самой Москве.

19 марта, до подхода главных сил ополчения, в столице вспыхивает восстание.

Где был в ту пору Пожарский? Где он находился с декабрьского противостояния Сумбулову до мартовского Страстного восстания?

Дмитрий Михайлович оказался в Москве раньше прочих. Свое появление он, мягко говоря, не афишировал: после боев с правительственным отрядом Сумбулова он рисковал

угодить под стражу, а то и подняться на плаху. Вероятно, князь имел тайную миссию.

В его глазах худародный Ляпунов с сомнительной биографией переметчика мог выглядеть как союзник, но не как начальник. Заруцкий вообще внушал одно лишь отвращение. Трубецкой по происхождению своему годился на роль вождя для Пожарского, но он связался с тушинцами, покорился ложному царю, а потому не заслуживал особенного доверия. В среде заговорщиков, ставивших земское дело, как театральные режиссеры ставят новую, доселе небывалую пьесу, имелся лишь один человек, приятный для Пожарского и пригодный стать его командиром. Это князь Василий Васильевич Голицын.

Он, как и Пожарский, был фигурой, принадлежащей старому порядку. Он, как и Пожарский, желал не только освободить страну от поляков, но еще и реставрировать старый порядок, убить дух Смуты в обществе. Его программа подходила Пожарскому, как самая ясная и естественная: отобрать власть у поляков, избрать и возвести на престол подходящего человека, никак не связанного с самозванческой интригой, а потом восстановить и весь прежний лад старомосковской Руси.

Голицын был среди бояр, решивших возвести на трон Владислава. Он изначально придерживался иного мнения. По знатности и «политическому весу» князь сам с полным основанием претендовал на русский престол. Но возоблада-

ла иная точка зрения: пусть будет Владислав – нового царя из бояр не станут слушаться, помня пример Шуйского, а Лжедмитрий II хуже чумы. Высшее боярство совершило жестокую ошибку. Попав в состав посольства к Сигизмунду III под Смоленск, Голицын скоро увидел желание короля поправить условия русской стороны и установить собственную власть без ограничений. Тут Василий Васильевич стал горячим сторонником патриарха Московского Гермогена, призывавшего не подчиняться новым незаконным требованиям, и установил с ним тайную переписку.

Голицын был близок Пожарскому и по идеям его, и по происхождению. Оба – высокородные князья, притом Голицын, безусловно, знатнее, он пригоден в вожди большого общественного движения, даже в монархи... Вероятно, именно причастность Василия Васильевича к земскому заговору привлекла Пожарского. Позднее князь Пожарский выражал сожаление, что не Голицын возглавил все земское дело.

Это всего лишь предположение, но первые шаги земского освободительного движения вообще очень плохо видны по летописям и документам. Поневоле приходится твердое знание заменять гипотезами...

Так вот, чувствуя большую близость к Голицыну, чем к кому-либо другому из земских вождей, князь Пожарский действовал самостоятельно – не как подручник Ляпунова или Трубецкого, а как решительный деятель консервативного настроения, взявший на себя самое опасное и самое нужное

дело: поднять Москву до того, как туда придут толпы казаков с юга. Голицын ему ничем помочь уже не мог: он участвовал в переговорах под Смоленском и там противостоял воле Сигизмунда до последнего; теперь поляки его фактически держали в плену. Но если связи этого вельможи достались Дмитрию Михайловичу, то московская дворянская среда предоставила ему немало сторонников. Возможно, князь Пожарский не просто успел раньше других к Москве и потому ввязался в вооруженную борьбу с поляками, а находился там давно – среди тех, кто готовил вооруженное выступление.

Напряженность в русской столице постепенно росла. Поляки вели себя своевольно, москвичи их недолюбливали. Глава польского гарнизона Александр Гонсевский первое время поддерживал дисциплину среди своих подчиненных. Он даже казнил нескольких молодчиков, причинивших тяжкие обиды московским жителям. Но присутствие инославного иноземного гарнизона не могло не провоцировать стычек с местными жителями. Тем более поляки вели себя вызывающе.

Политическая сделка, совершенная боярским правительством с поляками, все более и более оборачивалась убытками, прибыли же от нее оказалось до крайности мало. Допустим, Гонсевский остался в Москве охранять ее от тушинцев. Однако... в декабре 1610-го самозванец погиб. Армия его лишилась лидера, враждебного Владиславу. Так от ко-

го теперь берег русскую столицу пан Гонсевский? – задавались вопросом москвичи. А поляков требовалось кормить и поить, между прочим. Русские войска большей частью оказались выведенными из Белокаменной – прежде всего подразделения стрельцов. Но зачем? Кому они угрожали? Разве только пропольской администрации. С разрозненными отрядами тушинцев, утративших вождя, они отлично справились бы. Как и с поддержанием порядка в самом городе. Владислав к Москве не шел. Сигизмунд запугивал и стеснял русских послов, продолжая осаждать Смоленск. Король не дал никаких гарантий сохранности православия и Русской церкви. Ее глава Гермоген испытал на себе давление чужой власти и русских ее приспешников.

Под давлением этих неудобных обстоятельств польский гарнизон в Москве с каждым днем все более принимал роль оккупационного корпуса.

Хуже того, самих поляков раззадоривали подлые советы русской администрации, выхватившей власть у боярского правительства. Эти голубчики выслуживались, как могли. По их рекомендациям Великий город принялись разоружать. Снесли решетки ночных караулов, защищавшие ночной покой москвичей. Именно они, люди изменного обычая, предлагали найти удобный предлог и ударить как следует по местным жителям – раздавить их силу, пока не началось массированное организованное сопротивление.

Поляки располагали шестью тысячами собственных бой-

цов и восьмистами немецких наемников. Они боялись при столь ограниченных силах не справиться со стихией городского восстания, а потому приготовились к самым радикальным мерам по его подавлению.

Все – и русские, и поляки – чувствовали, сколь недолгий срок отделяет их от начала открытой борьбы. В преддверии ее худший из русских изменников, Михаил Салтыков, подступался к Гонсевскому и его офицерам с планом: «Упредить удар москвитян, пока в город не вошли подкрепления, посланные Ляпуновым». Поляки принялись готовиться: на башни и ворота Китай-города и Кремля они втащили пушки.

Вожди восстания дали сигнал к бою, когда приготовления поляков стали серьезно угрожать успеху их дела.

Польский военачальник ясно говорит: открытое противодействие гарнизону началось, когда его офицеры принялись ставить артиллерию в наиболее опасных местах. Страстное восстание не было спонтанным. В Москве его готовили заранее, притом в подготовке приняли участие лица из столичного дворянства и, вероятно, аристократии. Среди них, очень похоже, действовал князь Андрей Васильевич Голицын, пусть и стесненный условиями домашнего ареста. По своему влиянию, родовитости, а также как брат крупнейшего политика князя Василия Васильевича Голицына, он мог оказаться на самом верху иерархии повстанцев. Снаружи организаторы получали помощь от Ляпунова. Им не удалось сохранить приготовления в тайне. Очевидно, вооружен-

ное выступление планировали на тот момент, когда к предместьям столицы подойдут крупные силы земских ратников. Поляки, получив информацию о готовящемся взрыве, начали действовать раньше. Но и повстанцы среагировали на контрмеры Гонсевского очень быстро. Как только группы иноземцев начали расходиться по московским улицам, а офицеры поляков принялись ставить орудия в ключевых местах, им было оказано сопротивление. Гонсевский сделал ход раньше, чем от него ожидали. Повстанческое руководство бросило против его бойцов небольшие группы ратников, которые удалось собрать быстро, без всеобщего сосредоточения. К ним моментально присоединился московский посад, уставший терпеть бесчинства поляков. Тогда гарнизон принялся убивать всех посадских, не разбирая, где виноватые, а где невинные. Бойцы Гонсевского разбрелись по лавкам Китай-города, резали хозяев и обогащались награбленным.

Москве предстояло пережить страшные дни.

19 марта, на Страстной неделе, грянул бой, разошедшийся по многим улицам от Китай-города и Кремля.

Бой за Великий город отличался необыкновенным ожесточением: поляки штурмовали русские баррикады, а их защитники расстреливали толпы интервентов из ружей и пушек. Именно тогда среди вождей Страстного восстания высветилась фигура Дмитрия Михайловича Пожарского.

Польские отряды устроили дикую резню в Китай-городе,

положив тысячи русских, большей частью мирных жителей. Затем они вышли из-за стен и попытались утихомирить море людское, двигаясь по крупнейшим улицам русской столицы. Отряд, наступавший по Тверской улице, наткнулся на сопротивление в стрелецких слободах и остановился. Движение по Сретенке также затормозилось, обнаружив мощный очаг сопротивления: «На Сретенской улице, соединившись с пушкарями, князь Дмитрий Михайлович Пожарский начал с ними биться, и их (поляков. — *Д. В.*) отбили, и в город втоптали, а сами поставили острог у [храма] Введения Пречистой Богородицы». Дмитрий Михайлович применил наиболее эффективную тактику: использование баррикад, завалов, малых древо-земляных укреплений. Против них тяжелооруженная польская конница оказалась бессильна. Ее напор, ее мощь, ее организованность пасовали в подобных условиях.

По названию церкви, близ которой Дмитрий Михайлович приказал соорудить острог, можно определить, где проходил оборонительный рубеж. Очевидно, летописец имеет в виду древний Введенский храм на Большой Лубянке. Выстроенный еще при Василии III, он дошел до советских времен. К сожалению, в 1924–1925 годах его снесли и пока не восстановили. Он стоял на углу Кузнецкого моста и Большой Лубянки, а значит, совсем недалеко от Китайгородской стены. Надо полагать, столь близкое соседство острога с Китай-городом, твердо контролируемым поляками, заставляло Гон-

севского нервничать и бросать на разгром Пожарского все новые силы. Но 19 марта Дмитрий Михайлович успешно выдержал натиск противника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.